

Глава 17

— Я согласна... Я буду вашей игрушкой, госпожа Жуань.

Это был именно тот ответ, которого она так яростно добивалась, изводя её унижениями и угрозами. Но стоило словам сорваться с губ Хайяо, как у Ихань щемящей болью сжалось сердце.

Воспоминание

Когда она впервые призналась Цинь Хайяо в любви, сердце готово было выскочить из груди. Это случилось под Рождество. Держась за руки, они гуляли по парку и остановились перед наряженной елью, мерцающей крошечными сказочными огоньками.

Тот трепет Ихань не забудет никогда.

Свидетелями их союза были лишь чистый лунный свет да рассыпанные по небу звезды. Ихань обнимала её за талию. От такой близости Хайяо сначала удивленно замерла, но затем её глаза потеплели, подернувшись нежной улыбкой.

— Ты чего смеешься? — с напускной обидой спросила тогда Ихань.

Хайяо легонько коснулась пальцем её груди.

— Здесь... так громко стучит.

Голос её звучал напевно и мягко, а во взгляде сквозило ласковое кокетство. Наблюдая, как лицо Ихань заливают густая краска, Хайяо тихо рассмеялась. В сиянии рождественских гирлянд она была так прекрасна, что её хотелось целовать без конца.

Прильнув щекой к её груди, она вслушивалась в частый, гулкий ритм.

— Ну же, что ты хотела сказать?

Ихань окончательно растеряла все мысли от этой близости.

— Ты... не хочешь стать моей девушкой? — запинаясь, выдохнула она.

Это было первое признание в её жизни. Прежде признавались только ей, и она даже не подозревала, как это трудно и в то же время... сладостно.

Обхватив её шею тонкими руками, Хайяо нежно погладила мочку её уха.

— И это всё? Так ты меня завоевываешь?

Щеки Ихань вспыхнули пунцовым румянцем.

— Я отдам тебе всё самое лучшее, что у меня есть... на всю жизнь. Стань моей, хорошо?

В этом преданном, пылающем взгляде было столько чистой любви, что сердце Хайяо дрогнуло. Накрутив на палец прядь её волос, она ласково прошептала:

— Я уже твоя. Всегда ею была.

Сладкие призраки прошлого растаяли. Сейчас женщина, чьи глаза она когда-то боготворила, смотрела на неё со смиренным отчаянием и покорно роняла слова собственного приговора:

— Я согласна... Я буду вашей игрушкой, госпожа Жуань.

Сколько гордости было в этой женщине прежде. Насколько же глубоко её пришлось сломить, чтобы она произнесла подобное? Радоваться ли теперь победе? Ихань смотрела на неё, и её собственную душу словно выжигало кислотой.

Нет. Она её ненавидит.

В памяти мгновенно вспыхнула сцена на краю обрыва: её, точно шелудивого пса, втаптывают лицом в грязь, а Хайяо покорно льнет к своему жениху.

— Сяо Хай, на следующей неделе примерка платья, тебе нельзя простужаться.

— Вставайте, госпожа Жуань, мы ведь с Сяо Хай очень хотим видеть вас подружкой невесты на нашей свадьбе.

Кровавая вражда, сошедшаяся в смертельной схватке с ушедшей нежностью, в прах разнесла мимолетную жалость. Не помня себя от ярости, Ихань мертвой хваткой вцепилась в запястья Хайяо и грубо встряхнула её:

— Почему?! Ну почему ты так поступила?!

Глаза Ихань налились кровью, в них дрожали злые слезы безумия. Зачем нужно было лгать? Зачем губить бабушку? Зачем рушить всё? За что?!

Измученная Хайяо, давно балансировавшая на грани полного истощения, не могла сопротивляться этому натиску. Опавшим лепестком она безвольно качалась в чужих руках. На душе у неё было горько.

«Почему?..» — ей и самой безумно хотелось знать ответ на этот вопрос.

Хайяо попыталась поднять руку, чтобы коснуться дрожащей щеки Ихань, но мир перед глазами покачнулся, и она провалилась в спасительную темноту.

Она падала в бездонную черную пропасть.

Там, на самом дне, она увидела двоих себя. Одна стояла у края бездны, другая лежала на земле с растерзанной грудью, залитая кровью, сочащейся из уголков губ. Обе они смотрели на неё — с укором, тоской и горькой обидой. Их окровавленные губы шевелились, в унисон выдыхая один и тот же тихий стон:

«Так больно... Больше не вынести... Прекрати это скорее...»

Когда она очнулась, в тыльную сторону ладони кололо тупой болью. Хайяо попыталась подняться, но мышцы её не слушались.

Напротив, в глубоком кресле, сидела Ихань. Скрестив руки на груди, она безучастно наблюдала за ней.

Недавно уходил доктор Чу. Он сообщил, что организм пациентки работает на пределе возможностей, а результаты анализов пугающе далеки от нормы.

Ихань вглядывалась в бледное лицо, прикусив губу. Что с ней стряслось? В прошлой жизни Хайяо никогда не жаловалась на здоровье, если не считать редких приступов стенокардии при сильном переутомлении. Да, она была хрупкой, но не до такой же степени! Неужели её собственные нападки так подкосили женщину? Неужто она стала настолько уязвимой?

С трудом приподнявшись на локтях, Хайяо скользнула взглядом по игле капельницы в левой руке и потянулась, чтобы выдернуть её.

— Что ты делаешь? — холодно осведомилась Ихань.

Повернув к ней осунувшееся лицо, Хайяо ответила тихим, бесстрастным голосом:

— Раз уж я теперь ваша игрушка, мне полагается подавать госпоже Жуань одежду.

Ни тени покорности в этом тоне не было — перед ней по-прежнему держалась гордая, пусть и загнанная в угол, аристократка. Едва утихшая злость Ихань вспыхнула с новой силой. Она презрительно фыркнула:

— В твоём нынешнем состоянии ты даже на приличную игрушку не тянешь.

Хайяо промолчала, лишь уставилась на неё долгим, нечитаемым взглядом.

— На размышления я давала тебе три дня, — ровным тоном добавила Ихань. — Сегодня пошел четвертый.

Не дожидаясь ответа, она резко поднялась и вышла из комнаты.

Из коридора долетели приглушенные голоса. Бабушка, несмотря на почтенный возраст, шептаться не умела — её громогласный бас разносился по всему дому.

— Ну что, доктору Цинь получше?

— Бабушка, тебе-то какое дело? Не лезь не в свои дела.

— Ах ты, паршивка мелкая! Совсем от рук отбилась!

Их препирательства постепенно затихли в отдалении.

Хайяо отрешенно смотрела в окно, слушая этот семейный спор, и горячая влага подступила к её глазам. Любые издевательства и жестокость со стороны Ихань она принимала безропотно, но этот простой, домашний диалог отозвался в её груди невыносимой тоской.

Ихань в один глоток осушила бокал ледяного вина и оперлась ладонями о подоконник, подставляя лицо ночному сквозняку, силясь унять бушевавший внутри пожар.

За стеклом шумел и переливался огнями мегаполис. Раньше они обожали забираться на крышу. Ихань устраивалась поудобнее, вытянув ноги, а Сяо Хай утыкалась носом в её плечо. Переплетя пальцы, они часами любовались разноцветным морем неоновых вывесок. Ихань лениво перебирала шелковистые пряди её волос, а Хайяо, точно ласковая кошка, доверчиво жалась к ней.

Порой Ихань баловалась спиртным, но Сяо Хай бдительно следила за ней и отбирала бокал после первого же глотка. Ихань лишь шутливо щелкала её по носу, крепче сжимала объятия на её талии и со смехом сдавалась.

Прошлого не вернуть.

Возможно, свет был слишком слепящим, перед глазами Жуань Ихань всё расплывалось, а на сердце было невыносимо холодно.

После того как Цинь Хайяо произнесла роковое «я согласна», Ихань словно испарилась. Три дня от нее не было ни слуху ни духу.

Возможно, Хайяо действительно лишилась даже этой жалкой участи.

Родители, Цинь Шань и Хуан Лань, сразу заметили перемену в дочери. Вечерами они испуганно шептались на кухне.

— Неужели госпожа Цинь опять требует невозможного?

— Вряд ли. Какая бы она ни была, Хайяо ведь её родная дочь. Не станет мать губить своего ребенка.

— Ох, не знаю...

Расспрашивать Хайяо они так и не решились. Единственное, что они могли сделать — готовить для нее питательные домашние обеды в надежде вернуть её лицу здоровый румянец.

В субботу Хайяо решила забрать младшую сестру, Момо, на прогулку. Цинь Шань одобрительно кивнул и, отложив газету, напутствовал:

— Возвращайтесь пораньше. К ужину мы с матерью приготовим твою любимую рыбу-белку в кисло-сладком соусе.

Хайяо тепло улыбнулась. Момо сияла от восторга: они так давно никуда не выбирались вместе! Натянув свободные джинсы и нежно-розовую блузку, она выбежала в прихожую.

Момо росла удивительно стойкой. Родители вечно пеклись, как бы косые взгляды прохожих не ранили глухонемую девочку, но сама она нисколько не тушевалась. Весело прыгая рядом с сестрой, она увлеченно жестикулировала, совершенно не обращая внимания на зевак.

Фарфоровая кожа Момо в лучах солнца казалась полупрозрачной, а розовый наряд делал её похожей на дорогую фарфоровую куклу.

Хайяо ласково потрепала её по макушке. Оказавшись на улице, она не стала спускаться в метро, а достала телефон и набрала знакомый номер.

Заметив удивленный взгляд сестры, Момо быстро спросила на языке жестов, куда они едут.

— Мы поедem в больницу, — мягко пояснила Хайяо.

Услышав это слово, Момо мгновенно сникла. Радость в её глазах угасла, и она понуро опустила голову.

Не то чтобы она капризничала. Просто за последний год они обошли столько врачей, и каждый раз хрупкая надежда разбивалась вдребезги, оставляя в душе лишь глухую пустоту.

Сердце Хайяо обливалоcь кровью при виде этой недетской печали. Она крепко прижала сестру к себе и нежно поцеловала в лоб, пообещав:

— Всё обязательно наладится. Верь мне.

Момо взглянула на неё и выдавила слабую, но благодарную улыбку.

Спустя пару минут из-за деревьев бесшумно выкатился серебристый седан и замер у обочины. Хайяо быстро увлекла сестру в салон.

Внутри пахло дорогим парфюмом.

Осторожно оглянувшись назад через стекло, Хайяо тихо спросила:

— За нами нет хвоста?

Сидевшая за рулем Сяо Янь покачала головой:

— Всё чисто. Госпожа Цинь не знает, что я уехала. — Немного помолчав, она не сдержалась: — Почему так внезапно?

Отношения между ними всегда были непростыми. Сяо Янь прекрасно понимала свою роль: она была соглядатаем, приставленным госпожой Цинь для слежки за приемной дочерью. И всё же, получив вчера ночное сообщение от Хайяо, она после долгих душевных терзаний решилаcь приехать.

Хайяо задумчиво перевела взгляд на проплывавшие мимо дома:

— Сяо Янь, я могу тебе доверять?

Этот прямой вопрос заставил девушку вздрогнуть. В зеркале заднего вида она встретилась с ясным, неожиданно твердым взглядом Хайяо.

Сяо Янь долго молчала, прежде чем тихо ответить:

— Мне бы очень хотелось этого.

Хайяо слабо улыбнулась ей. Эта улыбка, едва заметная, озарила её изможденное лицо, подобно робкому огоньку свечи во тьме.

Сяо Янь смущенно отвела глаза:

— Я сбежала тайком.

Она давала понять, что времени у них в обрез. Её и Дуаньцзы с малых лет воспитывала Цинь Цинь, и беспрекословное подчинение семье Цинь было их долгом.

Хайяо понимающе кивнула и сразу перешла к делу:

— Как продвигаются дела у мамы?

Сяо Янь вздохнула:

— Скверно. В особняке Жуань обнаружили скрытые камеры. Старая госпожа заподозрила неладное.

Бабушка Жуань никогда не отличалась беспечностью. Слова внучки послужили искрой, разжегшей в её душе сомнения, а находка шпионского оборудования окончательно переполнила чашу терпения. Сама старуха давно ничего не боялась, но внучка была её уязвимым местом. Никому не позволялось покушаться на безопасность Ихань.

На этот раз старая госпожа взяла бразды правления в свои руки. Помимо преданной А-Ли, оберегавшей Ихань с детства, она полностью сменила личную охрану и прислугу внучки. Первым под удар попал секретарь Янь, которого совсем недавно приставила Цинь Цинь.

Выслушав, Хайяо кивнула:

— А как поживает дядя Лун?

Сяо Янь понизила голос до шепота:

— Все операции приостановлены. Старуха развернула бурную деятельность, привлекла старых соратников семьи Жуань. Эти тертые калачи на дух не переносят госпожу Цинь и не собираются с ней церемониться.

Хайяо промолчала. Зато Сяо Янь с тревогой взглянула на неё через зеркало:

— До меня дошли слухи, что госпожа Жуань обошлась с тобой...

Хайяо отвернулась к окну, обрывая расспросы:

— Ты сделала то, о чем я просила?

Сяо Янь знала, что спорить бесполезно.

— Да. Загранпаспорта для твоих родителей будут готовы в течение двух недель. Госпожа Цинь сейчас слишком увлечена войной с Жуань, ей не до этого.

Момо легонько потерела сестру за рукав. Хайяо склонилась к ней и ласково прошептала:

— Ты ведь давно мечтала съездить за границу?

Девочка недоуменно развела руками. Хайяо погладила её по голове:

— У меня здесь еще остались дела, так что вам придется поехать втроем.

Момо грустно кивнула и, заглянув сестре в глаза, доверчиво положила голову ей на плечо.

В кабинете врач долго изучал пухлую стопку анализов Момо за последний год. Наконец он вздохнул:

— Вынужден признать, клиническая картина неутешительная.

Момо понуро опустила голову. Хайяо сжала губы:

— Пожалуйста, посмотрите еще раз. Может, есть хоть какой-то шанс?

Доктор нахмурился, перепроверя снимки:

— Нужно сделать свежий снимок гортани. Сделайте и возвращайтесь ко мне.

Два часа спустя Сяо Янь и Момо сидели в коридоре, уплетая мороженое. Сяо Янь дурачилась, слизывая сладкие капли прямо как ребенок, заставляя девочку тихонько беззвучно смеяться.

Момо взглянула на нее и быстро спросила на языке жестов: «Сестра скоро выйдет?»

Сяо Янь ласково кивнула:

— Она беседует с доктором. Уже скоро.

Момо покивала и сделала еще несколько пассивных жестов. Сяо Янь с трудом разбирала этот безмолвный язык, но общий смысл уловила: «Со мной всё хорошо. Пожалуйста, поддержите сестру, пусть она не грустит из-за меня».

«Какое же золотое дитя», — с горечью подумала Сяо Янь. Ведь при возможностях и связях Цинь Цинь вылечить Момо не составило бы труда, захоти она только помочь.

В кабинете врач выглядел заметно бодрее:

— На новом снимке ситуация прояснилась. Случай тяжелый, но надежда есть. Вам нужно обратиться к моему учителю, уважаемой Чэнь. Она лучший специалист в нашей стране. Помню, как-то раз за ужином она рассказывала о похожей патологии, которую ей удалось успешно прооперировать и вернуть пациенту голос.

Любой другой на месте Хайяо разрыдался бы от счастья, но она лишь сдержанно, будто заранее зная ответ, улыбнулась:

— Благодарю вас, доктор.

Врач удивился её хладнокровию, но виду не подал:

— Не спешите радоваться. Профессор Чэнь давно на пенсии и не оперирует. Однако её удалось залучить в штат больницы «Юйян» в качестве консультанта — говорят, в молодости она была обязана кому-то из руководства. К обычной практике она не возвращается.

«Юйян»... Хайяо мысленно облегченно вздохнула. Она опасалась, что поступки Ихань вызовут эффект бабочки и полностью переписут будущее, но ключевые события оставались неизменными. Значит, у сестры по-прежнему есть шанс на спасение.

— Попробуйте попытать счастья там, — напутствовал доктор.

По дороге домой Момо, заметив бледность Хайяо, порывисто обняла её за шею, поцеловала в щеку и быстро показала на пальцах: «Сестренка, пока мы все вместе, я абсолютно счастлива».

Хайяо с трудом сдержала слезы. Бескорыстная любовь сестры ранила её больше любого упрека. Ближайший год решит всё, и медлить больше нельзя.

Стоило им выйти из машины возле дома, как из тени у подъезда навстречу шагнула Цинь Цинь, пряча руки за спиной. Рядом с ней, мрачнее тучи, возвышался Дуаньцзы, буквально испепеляя взглядом Сяо Янь.

У Сяо Янь оборвалось сердце. Лицо её вмиг утратило краски, а пальцы похолодели от сковавшего тело ужаса.

Хайяо среагировала мгновенно. Загородив собой перепуганную помощницу, она негромко произнесла:

— Мама.

Цинь Цинь презрительно фыркнула, хотя в душе оценила непоколебимое спокойствие Хайяо. Скользя ледяным взглядом по Сяо Янь, она процедила:

— Уведи Момо домой.

Сяо Янь в нерешительности замерла, умоляюще глядя на покровительницу. Хайяо обернулась и твердо кивнула ей:

— Иди.

Когда они скрылись в подъезде, Хайяо села в подъехавшую машину матери.

В салоне царил полумрак. Хайяо сидела опустив голову, так что шелковистый каскад волос полностью скрывал её лицо. Цинь Цинь неторопливо крутила массивный перстень на пальце.

— Какая трогательная семейная идиллия, — с ядом в голосе обронила она. — Просто завидная гармония.

Она уставилась в боковое стекло. Ветер шевелил её безупречную укладку, но взгляд оставался мертвым и холодным. Хайяо тоже молча смотрела на дорогу. Наконец Цинь Цинь повернулась к ней:

— Сяо Хай, пойми: я ведь тоже люблю тебя.

Хайяо прямо посмотрела ей в глаза:

— Когда-то давно — возможно.

Цинь Цинь не ожидала от всегда послушной и слабой дочери подобной дерзости. Её голос дрогнул, а веки слегка припухли от подступившей влаги:

— Обещаю тебе: как только я свершу месть... как только с Жуань будет покончено, ты получишь всё, чего только пожелаешь.

«Всё, чего я пожелаю?..» — мысленно повторила Хайяо. На душе сделалось еще мертвее. Ведь больше всего на свете она желала сохранить то, что её мать так неистово стремилась уничтожить.

— Старуха что-то почуяла, — жестко продолжила Цинь Цинь. — Тебе нужно поторопиться и полностью привязать к себе Ихань. Её нынешнее отношение к тебе... — Она запнулась. Даже без докладов Сяо Янь она догадывалась, что между девушками пробежала черная кошка.

Хайяо горько усмехнулась:

— Мама, разве тебя когда-нибудь искренне волновали её чувства ко мне?

Лоб Цинь Цинь прорезала глубокая складка, во взгляде вспыхнула ярость. Но Хайяо смотрела на неё в упор, без тени страха:

— С самого детства ты воспитывала меня как оружие возмездия. Каждое мое движение, каждый вдох подчинялись одной цели — соблазнить Жуань Ихань. Не беспокойся, я доведу дело до конца. Но моих приемных родителей и сестру ты не тронешь.

Столь дерзкий отпор ошеломил Цинь Цинь. Оправившись, она язвительно процедила:

— А если трону? Что тогда?

Хайяо ответила тихо, но веско:

— Тогда не забывай, мама, чья кровь течет в моих венах. Я дочь своего отца и единственная законная наследница всей группы «Наньян».

Цинь Цинь взвилась на дыбы, на её лбу вздулись багровые вены:

— Да как ты смеешь угрожать мне?!

Хайяо устало отвернулась к стеклу и покачала головой, прошептав:

— Мне очень больно, мама. — Под тяжелым, уничтожающим взглядом матери она повторила едва слышно: — Проходить через это снова и снова... безумно больно.

Хайяо вернулась лишь через полчаса. В гостиной Цинь Шань и Хуан Лань, крепко обнимая притихшую Момо, вздрагивали от каждого шороха, не сводя испуганных глаз с входной двери.

Беда витала в воздухе с той самой минуты, как Сяо Янь молча привела Момо домой. На все расспросы о старшей дочери помощница лишь виновато опускала глаза.

Кое-как повернув ключ в замке, Хайяо вошла в прихожую. Силы окончательно оставили её, лоб покрылся холодной испариной, а блузка неприятно липла к спине.

Хуан Лань подскочила с дивана:

— Сяо Хай!

— Всё хорошо, мам, — выдавила улыбку Хайяо. — Я просто немного устала.

Цинь Шань молчал, его лицо сделалось землисто-серым. Раньше Цинь Цинь наезжала лишь по праздникам, оставляя деньги на содержание и обучение дочери. Они послушно отдавали Хайяо в лучшие секции: на фортепиано, гимнастику, балльные танцы... Тогда они искренне надеялись, что родная мать станет навещать девочку чаще. Но со временем эти визиты превратились в кошмар. Каждое появление Цинь Цинь оставляло в душе Хайяо глубокие, незаживающие раны, и приемные родители изнывали от бессильной жалости.

— Пойду ополоснусь, — тихо сказала Хайяо, указывая на взмокший воротник. — Вся одежда сырая.

О том, какая гроза разразилась в машине матери, она не проронила ни слова. Родители не смели беречь её душу расспросами.

В ванной она медленно, вещь за вещью, сбросила одежду и шагнула под холодные струи душа. Ледяная вода хлестала по лицу, смешиваясь со слезами и унося их прочь.

Спустя долгое время она перекрыла кран. Наклонившись к полочке, Хайяо бережно взяла старую, потемневшую от времени бумажную фигурку — когда-то ярко-синего бумажного журавлика. Расправив хрупкие крылья, она скользнула взглядом по строчкам, выведенным твердой рукой: «Сяо Хай, мамино маленькое сокровище».

Ночь опустилась на город, но душный летний воздух прогнал сон. Хайяо лежала в постели, глядя в потолок, и методично, деталь за деталью, раскладывала в уме план дальнейших действий.

Глубокой ночью, когда комнату залил призрачный лунный свет, она наконец шевельнулась. Медленно вытянув руки вперед, Хайяо обняла пустоту, словно прижимая к себе невидимого спящего человека, и тихо запела, едва шевеля губами:

— Баю-бай, засыпай, мой любимый малыш... Сяо Хай сбережет твой покой...

В тот же глухой час в другом конце города Жуань Ихань, изнывая от головной боли, массировала виски. Стиснув зубы от глухого раздражения, она шлепала босыми ногами по холодному полу, лихорадочно роясь в комод в поисках снотворного.

Бабушка давно спала, и Ихань приходилось терпеть эту пытку молча, чтобы не поднять тревогу. Разум застилала удушливая ярость. Черный гнев, точно цепкий плющ, оплетал её изнутри, сдавливая легкие. В такие минуты ей безумно, до дрожи в пальцах, хотелось ворваться к Цинь Хайяо и задушить её собственными руками.

Чем сильнее была прежняя любовь, тем яростнее полыхала ненависть. Проглотив пригоршню горьких таблеток и запив их застоявшейся водой из стакана, она вернулась в постель.

Беленый потолок плыл перед глазами, распадаясь на зыбкие тени. Зажмурившись, Ихань с силой вдавила пальцы в виски.

В минуты крайней слабости память коварно подсовывает воспоминания о былом тепле.

Ей вспонилось, как когда-то, занемогши, она капризничала в постели. Сяо Хай ласково целовала её в лоб, остужая горячечный бред прохладными ладонями:

— Сильно болит?

А она с досадой брыкалась, сбрасывая одеяло:

— Сильно! Всё надоело!

— Опять ворчишь, — с тихой улыбкой журила её Хайяо. Она ложилась рядом, обнимая за талию, и тихо напевала на ухо: — Баю-бай, засыпай, мой любимый малыш... Сяо Хай сбережет твой покой...

Тогда, вопреки любой хвори, Ихань пьянела от этого нежного голоса. Не выдержав, она переворачивала её на спину и нависала сверху, шутливо ворча:

— Совесть у тебя есть? Я тут при смерти, а ты меня соблазняешь!

Хайяо удивленно округляла глаза, заливаясь густым румянцем, а затем, прикусив губу, обвивала её шею руками и шептала:

— Госпожа Жуань хочет, чтобы Сяо Хай пожалела её?

Какое блаженство в прошлом. И какая беспросветная стужа в настоящем.

— Баю-бай, засыпай... — беззвучно шевеля губами, Ихань плакала в темноту. Постепенно лекарство подействовало, заглушая душевную муку усыпляющим туманом, и она провалилась в тяжелое забытие.

Ранним утром в особняк прибыла Цинь Цинь. Ничего не подозревая, она преспокойно уселась завтракать вместе с хозяйками. Сегодня намечался важный день: старая госпожа Жуань решила лично явиться в офис и созвать совет директоров, чтобы навести порядок в делах.

Облаченная в строгое темно-синее ципао, бабушка Жуань сидела с безупречно уложенной серебряной прической. Опершись на трость, она строго взирала на внучку.

Ихань оставалась верна своей маске взбалмошной девицы. Закинув ногу на ногу, она вовсе придиралась к завтраку:

— Фу, почему баоцзы такие жирные? Я вообще-то на диете! И кашу эту пресную я есть не буду, приготовьте мне омлет на пару!

Цинь Цинь снисходительно улыбнулась:

— А-Хань, ты решила стереть лак и убрать длину?

Услышав это, бабушка Жуань впилась в внучку подозрительным взглядом. Ихань же кокетливо помахала перед лицом тонкими ухоженными пальцами:

— А то! С длинными ногтями сплошная морока — то себя поцарапаешь, то еще кого поважнее...

Двусмысленная шутка прозвучала вполне в её духе. В умении отпускать непристойные шуточки с невинным видом семейству Жуань не было равных.

Заметив, что бабушка вот-вот взорвется, Ихань тут же вытянулась в струнку:

— Обещаю, сегодня на собрании я буду само приличие! Настоящий генеральный директор!

Каково это — выглядеть как топ-менеджер? Ихань терпеть не могла строгие деловые костюмы и узкие юбки. Ощущение скованности раздражало её еще в прошлой жизни.

Раньше перед важными приемами Сяо Хай всегда помогала ей одеться: заботливо поправляла воротничок, завязывала галстук и, нежно поцеловав в лоб, шептала: «Моя госпожа Жуань — лучшая во всем мире».

Глядя на свое отражение в зеркале, Ихань вновь невольно погрузилась в воспоминания. И, как всегда при мыслях о Хайяо, лицо её потемнело от скрытой муки.

Позади раздались негромкие хлопки — Цинь Цинь восторженно улыбалась:

— Наша А-Хань так повзрослела. Настоящая красавица!

Ихань шумно выдохнула, обернулась к мачехе и, воровато зыркнув на дверь, заговорщически прошептала:

— Тётушка Цинь, долго этот совет директоров продлится? У меня на вечер грандиозные планы с девочками.

Цинь Цинь лишь выдавила дежурную улыбку, про себя качая головой.

Бабушка Жуань действовала со свойственной ей решимостью. В конференц-зале собрались не просто держатели крупных пакетов акций, но и старые, преданные соратники семьи, строившие эту империю с нуля.

Ихань вглядывалась в суровые лица ветеранов бизнеса. Кого-то она смутно помнила из далекого детства, когда бабушка впервые привела её в офис за ручку.

Старая госпожа много лет не вмешивалась в дела корпорации, но стоило ей занять председательское кресло, как по залу пробежал благоговейный трепет. В глазах присутствующих читалось безграничное уважение и преданность.

По спине Цинь Цинь пробежал холодок. Она почувствовала эту перемену атмосферы. Неужели старуха устроила этот спектакль, чтобы указать ей на место? Неужели история со слезкой всплыла наружу?

Ихань, помня о данном обещании, держалась на удивление собранно. Сидя с прямой спиной и бесстрастным лицом, она производила впечатление серьезного руководителя.

Несмотря на преклонные лета, рассудок бабушки оставался острым как бритва. Она заговорила — негромко, но властно, чеканя каждое слово:

— Прошу прощения, что заставила вас бросить дела и приехать сюда. Но каждый из вас — опора группы «Жуаньши». Мы вместе создали эту компанию. И теперь, когда над делом всей нашей жизни нависла угроза, я первым делом иду к вам.

«Кризис в компании...» — сердце Ихань затрепетало, она настороженно взглянула на бабушку.

Старая госпожа достала из папки плотные листы бумаги:

— Я подготовила некоторые отчеты. Давайте изучим их вместе.

Первый экземпляр лег перед Цинь Цинь. Стоило той раскрыть документ и увидеть выведенное жирным шрифтом название «Группа Лунсян», как её прошиб ледяной пот, а ладони мгновенно взмокли.

«Лунсян» была подставной конторой-паразитом, которую она создала исключительно для вывода активов из «Жуаньши». Этот гигантский пылесос медленно, но верно истощал финансовые резервы холдинга, а руководил им её доверенный ставленник.

Она предприняла все меры предосторожности, но старая госпожа одним ударом перерубила эту скрытую артерию.

— Каким образом фирма с сомнительной репутацией оказалась главным подрядчиком холдинга? — сухо поинтересовалась бабушка Жуань.

Члены совета директоров зашущукались, вчитываясь в цифры. Настроения в зале разделились. Большинство хранило верность семье Жуань, но за годы правления Цинь Цинь успела переманить на свою сторону часть ключевых фигур, а остальные замерли в нерешительности.

Бабушка Жуань внимательно следила за реакцией присутствующих. Наконец её мудрый взгляд остановился на Ихань. Заметив в глубине глаз внучки расчетливый, ледяной блеск, старуха на мгновение опешила.

Но стоило Ихань поймать её взгляд, как на её губах снова заиграла привычная беспечная улыбка глупой богатой наследницы.

Старая госпожа мысленно зафиксировала этот момент. «Неужели моя внучка вовсе не так глупа, как хочет казаться?»

Этот визит старой леди был лишь предупредительным выстрелом. Без лишних споров она

выложила неопровержимые козыри на стол — сухие факты на бумаге всегда красноречивее любых обвинений.

Закончив собрание, она направилась к выходу. Когда бабушка устроилась на заднем сиденье лимузина, её верный помощник Ван Линь, давно собиравшийся на покой, протянул мобильный:

— Госпожа Жуань, звонит господин Сун.

Когда-то старая госпожа лично вытащила Суна из нищеты. Провинциальный паренек без гроша в кармане приехал покорять столицу. Разглядев в нем недюжинный ум и деловую хватку, она дала ему шанс подняться. Тот ухватился за предоставленную возможность зубами и быстро взлетел по карьерной лестнице.

— Госпожа Жуань, наконец-то вы вернулись! — взволнованно затараторил в трубке Сун. — Вы даже не представляете, во что превратилась компания за время вашего отсутствия! Цинь Цинь буквально прибрала всё к рукам...

Старая госпожа молча смотрела на дорогу. Она сделала едва заметный жест рукой. Ван Линь тут же послушно убрал телефон, прерывая излияния на полуслове.

Попытка Ихань напроситься в машину к бабушке потерпела фиаско. Вернувшись в свой кабинет, она с облегчением рванула узел галстука. В этот момент вошла её новая секретарша Сьюзен:

— Госпожа Жуань, вас ожидает некая госпожа Цинь. Уже довольно давно.

«Госпожа Цинь?...» Ихань ядовито ухмыльнулась и небрежно швырнула пиджак на диван:

— Передай ей, что у меня нет времени.

Сьюзен, уловив опасный блеск в глазах начальницы, спорить не посмела и бесшумно скрылась за дверью.

Ихань действительно спешила. Она уже договорилась о встрече с Сун Хэ и остальной компанией, чтобы хорошенько выпить. Проходя мимо стойки регистрации, она картинно подмигнула симпатичной секретарше и перекинулась с ней парой ничего не значащих фраз. Она прекрасно знала, что половина персонала стучит Цинь Цинь. «Что ж, служба есть служба, пусть девочке будет о чем доложить хозяйке», — цинично подумала она.

Для вечеринки они арендовали закрытый VIP-зал. Из-за скандала с Синди Ихань долго вела затворнический образ жизни, избегая прежней компании. Сун Хэ решила во что бы то ни стало расшевелить подругу и созвала кучу народа.

Лениво развалившись на кожаном диване с бокалом красного вина, Ихань с улыбкой наблюдала за пьяным весельем. Сун Хэ, подсев поближе, легонько толкнула её локтем:

— Ну наконец-то, А-Хань! Снова вижу на твоём лице улыбку.

В последние недели Ихань хоть и соглашалась иногда выбраться в свет, вела себя отстраненно. Сун Хэ чувствовала, что за показным весельем подруга прячет какую-то гнетущую тайну. Но сегодня тени на её лице наконец рассеялись.

Ихань весело вскинула брови и салютовала бокалом:

— Меньше болтовни, больше дела. Пей!

На душе у неё действительно было легко. Одно воспоминание о перекошенном от ужаса лице Цинь Цинь вызывало у нее сладостный восторг. Бабушка наглядно показала, кто здесь настоящий хозяин. Пусть Ихань не хотела втягивать старушку в эту грязь, но пока её собственные крылья не окрепли, заставить Цинь Цинь поумерить аппетиты руками старой гвардии было чертовски верным шагом.

Когда алкоголь окончательно развязал всем языки, Сун Хэ хлопнула в ладоши, и в зал вошла вереница длинноногих красавиц. Официально их пригласили в качестве бэк-вокалисток, но все они тут же уставились на Ихань плотоядными взглядами.

В их тусовке каждый знал, что юная Ихань унаследовала развлекательную империю «Иян». Любая из этих девиц понимала: завоюет она расположение богатой наследницы — и успешная карьера в шоу-бизнесе у нее в кармане. Девушки, собранные Сун Хэ, отчаянно искали легких путей на сцену, а потому буквально из кожи вон лезли, стараясь угодить Жуань.

Ихань лениво покосилась на подругу:

— Тебе заняться нечем?

— Да брось ты ворчать, — отмахнулась Сун Хэ. — Расслабься наконец. Кстати, А-Хань, ты в последнее время что-то слишком много дымишь.

Ихань промолчала, скептически разглядывая выстроившихся перед ней красоток. «Надо же, как подруга расстаралась», — усмехнулась она про себя. Почти у каждой во внешности, осанке или разрезе глаз угадывались черты Цинь Хайяо.

Ихань пристально наблюдала за беззаботно болтающей с девицами Сун Хэ. На секунду в душу закралось страшное подозрение: неужели и Сун Хэ — пешка в игре Цинь Цинь?

После пережитого предательства и гибели она больше не верила никому. Единственными людьми, чья преданность не вызывала сомнений, оставались бабушка и А-Ли.

К сожалению, Сун Хэ тут же развеяла её паранойю:

— Мы же все видим, как ты сохнешь по этой своей докторше Цинь. Но поверь, такие недотроги хороши только на расстоянии. В постели с ними со скуки помрешь. — Она кивнула на девушек: — Выбирай любую. Обещаю, мигом забудешь свою снежную королеву.

«Мигом забудешь...» Неужели это возможно?

Ихань скользнула взглядом по лицам девушек. И каждая новая черточка лишь сильнее бередила её израненное сердце.

Заметив, что Ихань дольше обычного задержала взгляд на одной из девиц, Сун Хэ властно махнула остальным:

— Свободны.

Оставленная девушка действительно была хороша собой: высокая, стройная, с бледной кожей и длинными темными волосами. Но главное — её взгляд оставался равнодушным и даже слегка надменным. Отсутствие бурного восторга выгодно выделяло её среди прочих. Она молча присела на край дивана, готовая составить компанию.

— Как зовут?

— Ван Ди.

Держалась она скромно и ненавязчиво. Не заметив в её поведении излишней назойливости, Ихань не стала её прогонять.

Сун Хэ заговорщически ухмыльнулась. «Надо же, потянуло на строгих и недоступных. Поглядим, как запоеет эта недотрога после пары бокалов».

На третьем бокале экран телефона Ихань вспыхнул. Прочитав короткое сообщение от А-Ли, она нахмурилась: «Госпожа Цинь ждет снаружи. Уже почти два часа».

Почти два часа... Ихань прекрасно понимала, что Хайяо караулит её с самого утра, когда получила от ворот поворот в офисе. Она умышленно изводила её ожиданием.

Осушив бокал до дна, Ихань резко поднялась.

— Эй, ты куда? — окликнула её Сун Хэ.

Не удостоив подругу ответом, она стремительно направилась к выходу.

В коридорах клуба слепил глаза вычурный золоченый декор, а грохот басов давил на виски. Спёртый, пропахший дорогим табаком и перегаром воздух вызывал тошноту. Оказавшись на улице, Ихань жадно глотнула ночную прохладу. Ветер принес едва уловимый, до боли знакомый аромат духов. Достав сигарету, она раздраженно бросила:

— Чего тебе?

Хайяо стояла в серебристом сиянии луны. На её длинных ресницах застыли капли ночной росы. Она молча, со смесью боли и нежности вглядывалась в лицо Ихань, уловив исходивший от нее запах алкоголя.

Ихань прикурила и выпустила в лицо женщине струю сизого дыма, язвительно изогнув бровь:

— Что, не терпится прыгнуть в мою постель?

Причина её визита была очевидна — Момо. Цинь Цинь следила за каждым шагом Ихань, но и сама Ихань держала руку на пульсе жизни семейства Цинь. Зная всё наперед, она тем не менее упивалась возможностью побольнее ранить Хайяо. Вид чужого страдания притуплял её собственную душевную боль.

Хайяо безропотно вынесла это издевательство.

— Госпожа Жуань, мне нужна ваша помощь.

Ихань прищурилась, и её хмельной взгляд подернулся томной поволокой. Алкоголь придал её лицу благородную, почти призрачную бледность, на фоне которой губы казались вызывающе алыми. Её миндалевидные глаза таили в себе опасную, манящую силу, способную лишить разума любого, кто осмелится в них заглянуть.

Хайяо почувствовала, как к щекам приливает жар. Попытавшись отвернуться от этого гипнотического взгляда, она тут же была остановлена — пальцы Ихань мертвой хваткой вцепились в её подбородок. Выдохнув горький дым прямо ей в губы, Жуань прошептала с усмешкой:

— Помочь? Что ж, всё зависит от твоего прилежания, учитель Цинь.

Ей было плевать, в чем именно заключается просьба. Ей просто нравилось упиваться своей властью и безнаказанно унижать её. «Прилежание...» Хайяо понимала, что ей не место в

подобном вертепе. Но ради спасения сестры и ради укрощения той тайной, разрывающей её изнутри тоски по этой невыносимой женщине, она сделала шаг через порог.

В VIP-кабинете дым стоял коромыслом, столы ломились от дорогого алкоголя. Сун Хэ, надрываясь в караоке, заставляла гостей кривиться от фальшивых нот. Заметив вернувшуюся Ихань, она радостно вскинулась, но, разглядев её спутницу, опешила:

— Доктор Цинь?!

На памятном банкете Сун Хэ мельком видела эту женщину. В их кругах долго муссировали слухи о том, как доблестная спасительница Ихань утащила неприступную красавицу в уединенную комнату, откуда та вскоре выбежала покрасневшая и взбудораженная, а сама Жуань явилась мрачнее тучи, всем своим видом демонстрируя крайнюю степень неудовлетворенности.

Сложив два и два, друзья решили, что гордая докторша попросту указала Жуань на дверь. Теперь все присутствующие во все глаза уставились на вошедших. Ихань с безразличным видом разжала пальцы, грубо отпустив запястье Хайяо.

В прошлой жизни Ихань берегла Хайяо от подобного сброда, зная её утонченный нрав. Ради спокойствия любимой она сама со временем порвала с праздной золотой молодежью, отчитываясь о каждой деловой встрече и всегда, как бы поздно ни было, возвращаясь ночевать домой. Но сейчас всё изменилось. Терзаемая слепой ненавистью, она твердо вознамерилась утащить Хайяо за собой на самое дно.

Ихань ожидала увидеть страх, растерянность или брезгливость на лице Хайяо. Но та лишь изящно кивнула онемевшей Сун Хэ, одарила собравшихся безупречно вежливой, едва заметной улыбкой и уверенно направилась к Ихань. Каждый её шаг был воплощением грации и скрытой чувственности.

В зале хватало эффектных девиц, но благородная стать Хайяо мгновенно затмила их всех. Высокая, статная, она держалась с таким достоинством, что вся комната погрузилась в замороженное молчание.

Заметив сидящую рядом с Ихань Ван Ди, Хайяо на мгновение запнулась. Не проронив ни слова, она грациозно опустилась на свободное место по другую сторону от Жуань. И, под её ошеломленным взглядом, спокойно протянула Ван Ди руку:

— Добрый вечер. Я Цинь Хайяо. Игрушка госпожи Жуань.

Ван Ди растерялась. Испуганно покосившись на побелевшую от ярости Ихань, она побоялась ответить на рукопожатие и лишь инстинктивно вжалась в диван ближе к своей покровительнице.

Хайяо не убрала улыбки с лица, но в глубине её глаз полыхнуло опасное пламя. У наблюдавшей за этой сценой Сун Хэ челюсть со свистом отвисла. «Мать твою, что здесь происходит?!»

Взгляд Ихань обещал мучительную смерть, но Хайяо оставалась невозмутимой. Под этим испепеляющим взглядом она неторопливо сняла пальто, оставшись в облегающем белом платье, выгодно подчеркивающим изгибы бедер. Но самым вызывающим штрихом были тонкие черные чулки на её длинных, стройных ногах.

Ихань не могла оторвать взгляда от этой картины. Хайяо медленно подалась вперед. Прикусив алую губу, она прошептала ей на самое ухо — голосом, от которого сладко заныло в груди:

— Вообще-то я нарядилась так, чтобы умолять госпожу Жуань о снисхождении... Но, кажется, наряд пришелся весьма кстати. Ну же, Ихань... разорвешь их?

Тело Ихань окаменело от этой внезапной атаки. А Хайяо, лукаво сощутив глаза, перехватила её ладонь и собственными пальцами уложила её на свое обтянутое тонким капроном бедро:

— Жаль только, зрителей многовато. При посторонних не очень удобно... Не прикажешь ли своей куколке убраться подальше? Мне бы не хотелось делиться этим зрелищем с кем-то еще.

<http://bllate.org/book/20651/2132485>